

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (65)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

О МАРКЕРАХ ГРАНИЦ ТЕРРИТОРИЙ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ В СРЕДНЕМ ПРИТОМЬЕ В НАЧАЛЕ XVIII — СЕРЕДИНЕ XX в.

Автор рассматривает письменные и картографические материалы, а также устные сведения о формировании куста деревень в Среднем Притомье между устьями Мунгата и Уньги, о возможных границах между Томским и Кузнецким дистриктами в XVIII в., а также о маркерах границ как дистриктов, так и земель, принадлежащих отдельным деревням. Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что основными маркерами границ могли являться водотоки, отчасти гряды, в редких случаях озера. Автор предполагает, что своего рода границами могли быть речные пороги. Границы угодий начали формироваться с началом освоения этих территорий. Эти границы были хорошо известны местным жителям. Не исключено, что часть из них сохраняется и в наши дни.

Ключевые слова: Кузнецкий дистрикт, землепользование, границы угодий, челдонские деревни.

Ссылка на публикацию: Тихонов С.С. О маркерах границ территорий расселения русских в Среднем Притомье в начале XVIII — середине XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. 2. С. 167–174. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2024-65-2-14>

Введение

При изучении этнографо-археологических комплексов сибирских (аялыньских) татар и русских сибиряков XVIII–XX вв. Среднего Прииртышья было установлено, что хозяйственные угодья жителей татарских юрт и русских деревень имели какие-то маркеры на местности, как естественные, так и искусственные, которые были известны местным жителям [Бережнова и др., 2014, с. 18; Тихонов, 2007]. Этот факт заставил обратиться к литературе о границах и пограничных территориях в древности и средневековье в разных регионах Европы, Азии, Америки, что позволило опубликовать серию работ [Тихонов, 2011, 2013а, 2013b, 2013с, 2018] и сделать следующие выводы:

— общеизвестны и с разной степенью полноты описаны границы между большими этносами или государствами. Например, во времена Александра Македонского существовал географический термин — Трансоксиана, т.е. «за Оксом» (современной Амударьей), что позволяет считать ее пограничной рекой. Рубикон, который перешел Гай Юлий Цезарь, был границей между италийской Умбрией и Цезальпийской Галлией (район современного г. Римини, Италия). Граница между Римской империей и миром варваров шла по Дунаю и Рейну. Вдоль нее была построена цепочка крепостей — *limes*. Великая китайская стена отделила земли Китая от «северных варваров». Известны засечные черты на Руси;

— вышеупомянутые границы, казалось бы, не имеют отношения к заявленной теме. Полагаю, что это не так. Принципы проведения пограничных линий глобальных (например, между государствами) и локальных (между регионами внутри государства — губернии, уезда, волости и пр.) примерно одни и те же. Но сведения о глобальных границах известны, и эти сведения можно экстраполировать на границы локальные, описание которых во многих случаях оставляет желать лучшего;

— могли существовать незанятые территории. Например, пустыня Гоби, отделявшая циньцев от хунну, была практически незаселена. Или в первой трети XVIII в. на землях в верховьях рек Васюгана (левый приток Оби), Шиша и Тары (правые притоки Иртыша) охотиться мог любой желающий, так как там не было постоянного населения. Активное заселение южной части Великих равнин команчами стало возможно только после того, как они переняли коневодство у индейцев пуэбло, т.е. в конце XVII в. До этого здесь были редкие становища апачей и уэчита;

— границы между этническими группами аборигенов Сибири или между уездами/волостями/дистриктами/деревнями русских сибиряков практически не являются предметом исследования ученых, хотя материалы для рассмотрения этой проблемы, как картографические, так и письменные, имеются. Но приятные исключения все-таки есть [Синяев, 1956, 1963; Чернецов, 1973].

Цель данной работы — рассмотреть границы и их возможные маркеры между Томским и Кузнецким дистриктами в первой трети XVIII в. как между административными образованиями,

а также возможные границы (в том числе в первой половине XX в.) между челдонскими деревнями в северной части земель, относившихся к Кузнецкой крепости, а ныне — к Крапивинскому району Кемеровской области. Попутно рассмотрим вопрос о местах выхода новоселов и особенностях ландшафтов, определяющих границы, в том числе микрообъекты.

Методической основой работы является положение о том, что между большими объединениями людей или мелкими коллективами (от государственного до местного) существуют границы, которые могут обозначаться особыми пограничными знаками, искусственно созданными препятствиями (засечные черты на Руси, лимесы Римской империи). Границы могут проходить по естественным рубежам (рекам, горным хребтам) или же определяться по приметным природным образованиям (холмам, скалам, границам ландшафтных зон и т.п.). Они всегда известны лицам, которые контролируют территории или проживают вблизи границ.

Источники для написания работы — чертежи С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 130–131; Чертежная книга..., 2003, лл. AI, VI] и устные сведения о деревнях Крапивинского района Кемеровской области, природно-географических условиях в местах их расположения, данные о ведении жителями хозяйственной деятельности (покосы, пасеки, места рыбной ловли, заготовки древесины и т.д.), полученные мной от старших родственников и их сверстников, а также во время поездок по району в 1970–1990-х и начале 2000-х гг. Материалы хранятся в личном архиве автора.

Границы между землями Кузнецкого и Томского городов в конце XVII — начале XVIII в. обозначены в чертежах С.У. Ремезова (рис. 1). В «Чертежной книге...» (рис. 1, 1) показан Верхотомский острог (ныне с. Верхотомское Кемеровского района Кемеровской области в 15 км к северу от областного центра). Выше его по Томи показаны д. Щеглова и р. Куруискигим (современная Искитимка), ныне располагающиеся на территории г. Кемерово. В правом верхнем углу близ р. Мунгат имеется надпись: «Рубеж Томской...» (рис. 1, 1). Обратим внимание на то, что между д. Щеглова и устьем Мунгата (где располагался Мунгатский острог, находящийся сейчас в северной части современного районного центра Кемеровской области пос. Крапивинский) русских и инородческих деревень не показано. Зато имеется р. Промышленная (правый приток Томи), название которой свидетельствует о местах ведения каких-то промыслов и, возможно, временных поселениях.

Рис. 1. Южная часть земли Томского города:

1 — по: С.У. Ремезов, Чертежная книга..., лист AI (фрагмент); 2 — по: С.У. Ремезов, Хорографическая книга..., л. 130 (фрагмент).

Fig. 1. Southern part of the land of Tomsk fortress:

1 — according to: S.U. Remezov, Drawing book..., sheet AI (fragment); 2 — according to: S.U. Remezov, Chorographic book..., l. 130 (fragment).

В «Хорографической книге...» на этом же участке (рис. 1, 2) на чертеж нанесены Верхотомка с церковью, д. Щеглова и р. Куруискигим. Но отсутствует р. Мунгат, а р. Промышленная имеется на обоих листах (рис. 1).

О маркерах границ территорий расселения русских в Среднем Притомье в начале XVIII — середине XX в.

К югу от Томского дистрикта (т.е. выше по течению Томи) располагался дистрикт Кузнецкий (рис. 2). Судя по «Чертежной книге...», его северные границы проходили по рекам Мунгат и Осипово. Русских деревень на этом участке пока нет, но на правом берегу Томи между реками Тайдон и Нижняя Терсь отмечена «волость Тюлюберская» (рис. 2, 1). Примерно в этом месте находились Сустанакovy юрты (современная д. Салтымаково). В «Хорографической книге...» (рис. 2, 1) ситуация примерно та же. От устья Мунгата до устья Уската русские деревни отсутствуют. Рядом с рекой Нижняя Терсь есть надпись «р. Тюлюберская». Иначе говоря, здесь жил малый тюркоязычный народ, который был ассимилирован во второй половине XIX — начале XX в.

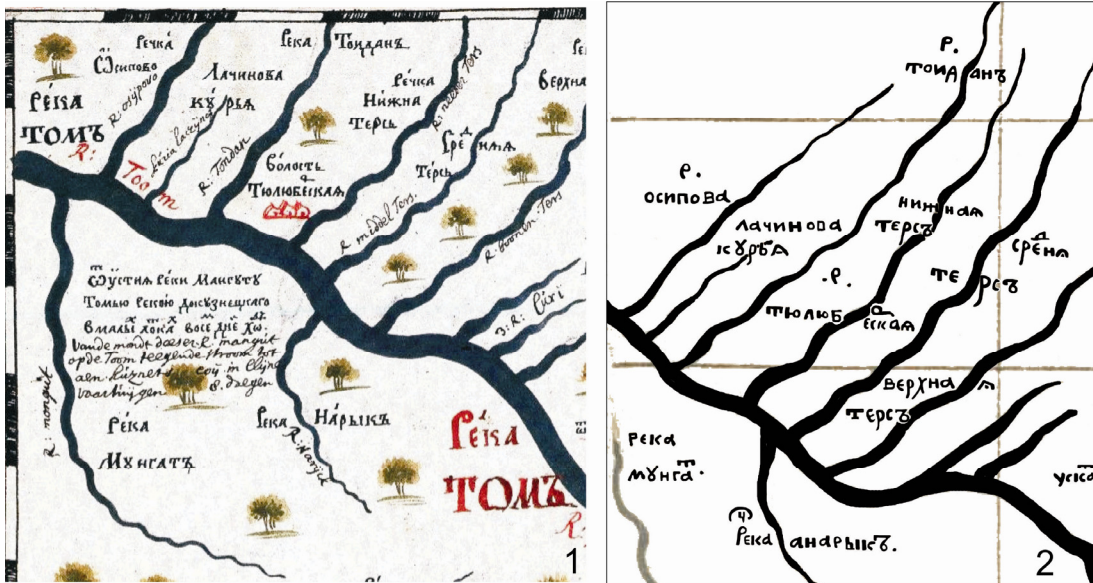

Рис. 2. Северная часть земли Кузнецкого города:

1 — по: С.У. Ремезов, Чертежная книга..., лист VI; 2 — по: С.У. Ремезов, Хорографическая книга..., л. 131.

Fig. 2. Northern part of the Kuznetsk fortress land:

1 — according to: S.U. Remezov, Drawing book..., sheet VI; 2 — according to: S.U. Remezov, Chorographic book..., l. 131.

Ситуация освоения русскими Томи выглядит следующим образом. В 1604 г. в нижнем течении Томи (примерно в 50 км от ее устья) на землях эуштинцев была построена Томская крепость. В верхнем течении Томи в 1618 г. на землях кузнецких татар была заложена Кузнецкая крепость. Вокруг крепостей возникли русские деревни, и ареал земель, занятых непосредственно русскими, начал увеличиваться. Для их охраны в 1657 г. построили Сосновский и Верхотомский остроги. Таким образом, земли, приписанные к Томской крепости, стали безопасней для проживания, а крепости являлись своего рода «точками роста», где концентрация людей была максимальная. Вокруг них формировалась сельская округа, а удаленные земли были практически незаселены. Границей между упомянутыми дистриктами могла быть р. Мунгат, приграничные участки томских земель находились на р. Промышленной, а кузнецких — на р. Осипово. Это видно на примере вышеописанных пограничных территорий.

Автор, изучая процесс заселения русскими Среднего Притомья в начале XVIII в., предположил, что крестьяне и служилые люди начинают постепенно заселять среднее течение реки [Тихонов, 2011, 2013с]. Близ устья р. Уньга появляются деревни Зарубкино (ныне Сарапки) и Чевелева (ныне Шевели). Тем самым по этой реке устанавливается южная граница Томского дистрикта. Русские, жившие близ Кузнецкой крепости, переселяются на свободные земли на север Кузнецкого дистрикта. Вероятно, Лачинова (она же Баева, возможно, Щелкина) была самой северной русской деревней Кузнецкого дистрикта ниже устья Нижней Терси (правый приток Томи). Она располагалась чуть ниже Лачиновой (Лачиновской) курьи на левом притоке Томи — небольшой речке Черновая (на других картах — Мышиха). В связи с этим отмечу, что на чертежах С.У. Ремезова Лачинова курья показана на правом берегу Томи, что неверно (рис. 2).

В первое десятилетие XVIII в. в местностях с разными природно-географическими условиями на Томи ниже устья Мунгата и в верховьях Ини (левый приток Оби) группы крестьян образуют новые деревни [Тихонов, 2022, с. 319–320]. Возможно, что переселенцы выбрали для жительства

привычные им природные ландшафты, к которым были адаптированы виды хозяйствования (земледелие, скотоводство, возможно, рыболовство). Тогда можно предполагать, что было два места выхода. В итоге в верховьях Ини, где имелись удобные для хозяйствования межгорные долины, группы крестьян образовали деревни Мереть, Грамотеино, Коновалово, Евтино, Каракан (рис. 3). Другие переселенцы между устьями Мунгата и Уньги (левые притоки Томи) основывают деревни Крапивино (Кропивина), Банново (Банная), Березовка, Березоваярка (Нижняя, Курганы) на левом берегу Томи в полого-увалистой местности с широкой поймой (рис. 3). Волн переселения было несколько. Сначала ниже устья Мунгата появляется несколько деревень. Потом по просьбам их жителей в 1715 г. ставят Мунгатский острог (станец) для защиты новых деревень. Затем в 1732 г. была основана д. Крапивино. Судя по фамилиям переселенцев, в ней жили выходцы из деревень Сидеровой (Сидоровой), Терехиной, Тихоновой, что находились на правом берегу Томи немного ниже Кузнецкой крепости (табл.), ставшие старожилками.

Фамилии и имена жителей деревень близ Кузнецка на 1719 г.

Surnames and names of residents of villages near Kuznetsk in 1719

	д. Сидерова	д. Терехина	д. Тихонова
Ощеуловы/ Ащеуловы	Елизарий, Иван, Микифор, Афанасей Алексей, Гарасим Иван Савелий, Андрей, Иван		Елизарий, Никифор, Афанасей, Иван, Алексей, Иван, Герасим, Андрей, Герасим, Степан, Иван, Савелий, Иван
Тихоновы		Иван	Яков, Матвей, Федор, Федор
Тузовские	Федор, Иван, Федор, Иван, Кирилл, Петр,		Иван, Федор, Иван
Шебалины	Семен, Семен	Максим, Василий	Семен

Составлено по: РГАДА. Ф. 214, оп. 1, д. 1611, лл. 100–105, 107–108, 114–117, 119; Ф. 350, оп. 1, кн. 214, л. 2–44.

Так вот, первые деревни на левом берегу Томи между устьями Мунгата и Уньги были основаны на севере Кузнецкого дистрикта на незанятых землях между реками Уньга-Промышленная на севере и Осипово-Мунгат на юге. Вероятно, это и были граничные водотоки.

Границы между землями деревень. Примерно в середине XIX — начале XX в. по обоим берегам Томи между Крапивино и устьем р. Тайдон появляются деревни Фомиха (Райки), Кедровка, Тупичиха, Мало-Осипово (Малое Осипово), Тараданиха, Симоново, Красное, Калашино (Калашное), Широкая щель, и все свободные по берегам Томи участки от устья Тайдога до устья Уньги оказались занятыми (рис. 3). Полагаю, что тогда окончательно определились границы землевладения и землепользования жителей, так как фонд свободных земель, прилегающих к Томи, был исчерпан. Отмечу, что речь идет именно о землях близ Томи, тогда как таежные территории были свободны для заселения. Там в первой трети XX в. возникли деревни Лебедевка, Кутузовка, Баженово, Бело-Осипово, Марс, Горваль, Боровушка и др., числом около 30. Все они были ликвидированы в ходе экономических реформ 1960-х гг., в середине 1970-х гг. при подготовке ложа водохранилища Зеленогорской ГЭС и в постперестроечные годы [Живем..., 2004, с. 128–163, 435]. Конечно, границы угодий деревень на местности не обозначены, за исключением стел на трассах, указывающих границы административных районов, но они были известны местным жителям.

Возникает вопрос об устойчивости границ, а для его решения пока недостаточно материалов. Можно предполагать, что были границы, зафиксированные на бумаге официальными властями. Тогда для их пересмотра требовались специальные решения. Как пример приведу передачу некоторых территорий Крапивинского района в ведение властей Новокузнецкого и Ленинск-Кузнецкого районов в 1963 г. Однако были участки (чаще всего места пасек и покосов), владельцы которых уступали их желающим. Иногда за деньги или за часть продукции (стог сена, фляга меда и т.д.) либо потому, что сами их использовать не могли. Например, на устье р. Атила (иначе — Акел, левый приток Осипово) мне известно несколько «пользователей» места. Эти сделки были неофициальны, и власти о них либо не знали, либо не обращали внимания на смену хозяйствующего субъекта.

В качестве границ мои собеседники называли чаще всего речки и ручьи, один раз озеро, иногда гривы. «Там Марашки (два ручья, левые притоки Мунгата) бегут из болота. За ними попереченские (т.е. д. Поперечное/Поперечка) земли. Там на гривах еще косили когда-то, за болотами, а потом отступились. Они теперь косют». Или: «На луке (Томи. — С. Т.) гривки маленькие, по ним еще сосняк садили лет 50 назад. Там озеро Копь. До него крапивинские земли, а дальше — фомишенские (т.е. деревни Фомиха)». Или: «Там Кедровый остров, за ним Долгий. На Кедровом острове фомишенские косют, а на Долгом из Тупичихи, Калашино, Широкой щели косили, пахали и скотину пасли. А сейчас там никого нет. Все разъехались». Или: «...у тупичишенских земли мало было. Да и деревушка маленькая, в логу стояла. Так они в логу огороды садили, а косили и пахали на острове. Там их земли

О маркерах границ территорий расселения русских в Среднем Притомье в начале XVIII — середине XX в.

были». Или: «Где Цыганова грива, от нее гривка отходит. “Волны” называется. Наша бригада тракторная до войны стояла, потом артель “Сокол”, а уже за ней (гривой. — С. Т.) не наши земли были».

Предположу, что пограничными точками могли быть пороги на реке, хотя мне никогда об этом не говорили, а их описания в литературе практически отсутствуют. Но есть исключения. Например: «Близ деревни Фоминой лежит подводный камень Бурлыш (правильно — Бурлыш. Взорван перед войной для обеспечения судоходства по Томи. — С. Т.), который покрывается только в весеннее половодье» [Словцов, 1886, с. 173]. Еще один пример: «Порывной порог через который как судно спускали, то все с него сойти принуждены, понеже на нем валы немалые суть» [Крашенинников, 1966, с. 52]. На самом деле на рассматриваемом участке их больше: Куриные лапки, Широкая щель, Бурлыш, Порывной-Порывайка. Есть еще небольшие перекаты, но записано название только одного — Мунгатский перекат.

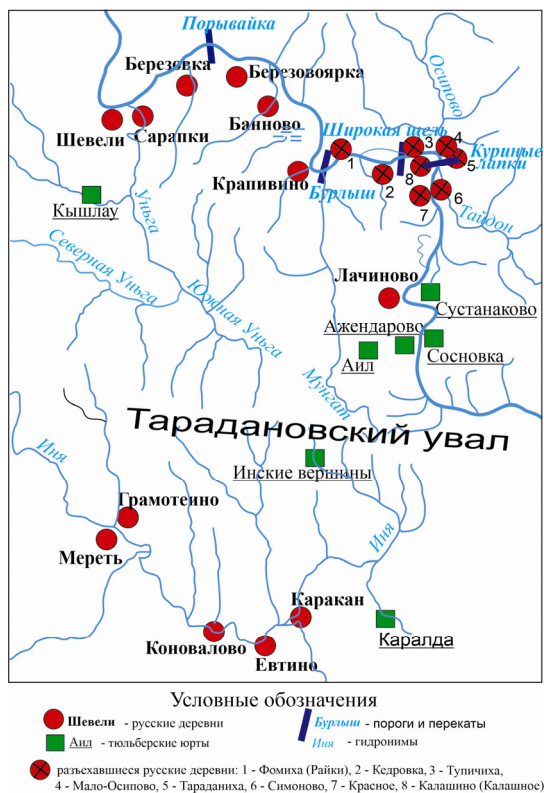

Рис. 3. Старожильческие деревни, тьюльберские юрты и пороги на Томи.
Fig. 3. Old-timer villages, Tyulber yurts and rapids on the Tom river.

В лоции р. Томи, размещенной в сети Интернет [Лоция Томи...] (год и место издания бумажного варианта мне неизвестны. — С. Т.), указаны все перекаты. Вероятно, мои собеседники видели томские пороги намного раньше, чем составители лоции. Так, пункт «Бычье горло», однозначно называемый мне как порог, в лоции назван «перекат Бычье горло». «Порывной порог» стал «перекатом Порывайский», и на нем отсутствуют сильные валы. Это место было пройдено нами на лодке в летнюю межень в 2005 г., и кроме более стремительного течения признаков порога мы не видели. Тогда как С.П. Крашенинников описывал валы при проходе через него в конце сентября. Интересно название «перекат Бабий порог», сочетающее в себе прежнее название «порог» и современное «перекат». То место, где был порог «Куриные лапки», в лоции называется «перекат Козьи рожки». Может быть, трансформация порогов в перекаты стала возможна после «облагораживания» реки для судов, работавших на линии Томск — Новокузнецк?

Почти на всех листах лоции от Новокузнецка до Кемерово видно, что деревни располагаются на плесах, а выше и ниже их расположены перекаты. На рассматриваемом участке между деревнями Березовка — Березоваярка находится порог Порывной, между Крапивино и Фомихой — (находилась. — С. Т.) камень Бурлыш, а между Кедровкой и Туличихой — порог Широкая щель (рис. 3). Можно

предположить, что жители XVIII–XIX вв. в среднем течении Томи основывали деревни на относительно спокойных участках реки между порогами и перекатами, и тогда они могли быть границами.

По обоим берегам Томи на террасах есть образования, отличающиеся большими размерами и формами. Местные жители называют их «камень»: Бабий, Ярыгин, Улустаев, Чорной, Остафьев, Синий, Красный, Змеиный, Стрельной, Писаный и т.п. Часть из них упомянул С.П. Крашенинников во время поездки по Томи в 1734 г. [1966, с. 50–52]. Фактически Камни — это части террасы, состоящие из осадочных пород, и только три из них каменные: Скала у д. Лачиново, Писаный камень у д. Писаная и скала у бывшей д. Богданово (ее название мне неизвестно. — С. Т.).

Нет сведений, что границы угодий проходили по этим Камням. Но они и точки речной сети являются своего рода ориентирами на местности. В Крапивино записаны фразы «на Камню», «за Камнем», «под Камнем», «на закаменных лугах». Например: «Под Камнем, где Первая курья начинается, там дед один уголь летом копал». Или: «А неводили, где Синий камень. Его с Томи не видно. Это как на Калашино берегом ехать. Под ним тоня хорошая. Раньше тайменей там ловили». Или: «...где Скала у Лачиново, там наверх дорога есть, наверху метеостанция была, а от нее уже спуск прямо в курью (Лачиновская курья — место промысла рыбы. — С. Т.), а по берегу не пройти, там валуны большие. Тяжело прыгать». Или: «...после Змеинки поворот (Томи. — С. Т.) к правому берегу к скале. Там никто по течению против ветра выгрестись не мог». Или: «Где танкетку утопили? А вот речка Сырая есть, как на Белоосипово идти. Выше ее устья метров 500». Или: «...вот на устье Тайдона рыбалки стояли, там харюзов (хариусов. — С. Т.) коптели. А симоновских не пускали. Не их земля. Они выше рыбачили, на Партизанке». Или: «...напротив Малоосипова гора, туда тропка ведет. А на горе у них кладбище было. Там теперь ЛЭП стоит».

Заключение

Изучение письменных источников, картографических материалов и устных сведений о расположении русских деревень, основанных в первой трети XVIII в. в северной части Кузнецкого дистрикта ниже устья Мунгата, позволяет предполагать, что:

— деревни были основаны крестьянами, жившими первоначально в 15–30 км ниже Кузнецкой крепости на левом берегу Томи и переселившимися на свободные территории в первой трети XVIII в., не вторгаясь в земли тюльберов (рис. 3);

— в начале XVIII в. границами административных единиц могли являться реки Уньга и Промышленная на юге Томского дистрикта и Осипово и Мунгат на севере Кузнецкого дистрикта. Судя по современным границам Кемеровского и Крапивинского районов Кемеровской области на этом участке, они изменились незначительно;

— границами земель деревни или, точнее, совокупности крестьянских угодий хозяйств могли быть водотоки, ярко выраженные формы рельефа в виде грив. В одном случае указано озеро, но в соседстве с мелкими гривками. Реперными точками могли быть Камни на террасах, или точки речной сети;

— есть небольшое количество материалов о миниобъектах (кусты, деревья), которые обозначали границы землевладений. Например: «на Березовой гриве, где второй спуск, на косогоре мой покос до черемухи (одинокый черемуховый куст. — С. Т.), а за ним Митя косил». Или: «на Фомихе на бугре около кладбища кедр растет. Это прадед твой садил. Там середина его пасеки была». В целом, это совпадает с имеющимися сведениями по другим территориям, в частности по Тарскому уезду Тобольской губернии. Например, одна из границ пашни Федьки Семенова сына Неупокоева, казачьего сына из Тары, шла через «два баярака... из алапа, и по болоту, и по сосняг, и через *черные кусты...*» (выделено мной. — С. Т.) [Дозорная книга..., 2021, с. 307]. Но этих материалов недостаточно, чтобы делать какие-либо выводы.

Естественно, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все возникающие проблемы, и их решение — дело будущего.

Благодарности. Благодарю А.А. Воробьева-Исаева за помощь в работе с архивными документами.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Госзадания FWZG-2022-0005 «Исследования археологических и этнографических памятников в Сибири эпохи Российского государства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: Природная среда, этносы, источники. Омск: Наука, 2014. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; Т. 13).

О маркерах границ территорий расселения русских в Среднем Притомье в начале XVIII — середине XX в.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года / Отв. ред. Н.А. Томилов; Подгот. к изд. М.Л. Бережнова, Н.В. Кабакова, С.Н. Корусенко, Т.П. Рогожникова, М.В. Хоменко. Омск: Наука, 2021. Т. 1. 656 с.

Живем крапивинской судьбою. Очерки истории Крапивинского района / Отв. ред. Л.Я. Чубко; Сост. Л.Я. Чубко и др. Новосибирск : ЦЭРИС, 2004. 480 с.

Крашенинников С.П. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / Подготовка текста и вступ. статья Н.Н. Степанова. М.; Л.: Наука, 1966. 239 с.

Синяев В.С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 79–88.

Синяев В.С. Граница между чулымцами и чулымскими селькупам в XVI–XVII вв. // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1963. Т. 6. Вып. 2. С. 45–53.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. 364 с.

Тихонов С.С. «Анатомия» этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. Одесса; Омск: Наука, 2007. С. 48–52.

Тихонов С.С. О возможности изучения этнографо-археологических комплексов русских в среднем течении Томи // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 409–413.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2013а. № 3 (23). С. 52–56.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова и «межи» аборигенов на р. Демьянке // Вестник Омского университета. 2013б. № 1 (67). С. 58–61.

Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013с. № 3 (97). С. 133–136.

Тихонов С.С. Картографические материалы рубежа XVII–XVIII веков и выявление границ проживания этносов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Павлодар; Омск: Наука, 2018. С. 198–202.

Тихонов С.С. Миграции в однокультурной среде в XVII–XIX веках (на примерах Среднего Прииртышья и Среднего Притомья) // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. № 2. С. 316–321. <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.012>

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное изд. Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск, 2011. 350 с.

Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита: (Доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. Факсимильное изд. М., 2003. 201 с.

ИСТОЧНИКИ

Лоция Томи от Новокузнецка до Томска // Кемеровская рыбалка. URL: https://www.fishingkem.ru/statii/locia_Tomi/locia_Tomi-ot_Novokuznecka_do_Tomska.html.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1611; Ф. 350. Оп. 1. Д. 214.

Tikhonov S.S.

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Karl Marx prosp., 15/1, Omsk, 644024, Russian Federation
E-mail: semchi957@gmail.com

On territorial border markers of the settlement of Russians of the Middle Tom River region in the beginning of the 18th — mid 20th centuries

The concept of studying of ethnographic and archaeological complexes (EAC) involves the analysis of their individual components: population, villages, communication routes and others, including borders — both external and internal. The analysis of archaeological, historical, and ethnographic literature has shown that borders or borderlands can be traced in almost all populations at any stage of their development. However, while the borders between large associations, like states or ethnic groups with different cultures, have been addressed by experts, almost no attention is being given to local boundaries between smaller collectives, although there are written, cartographic and oral sources that can be used as a basis for such research. After considering the materials of various origins concerning the native villages of the Middle Tom region, it became possible to discuss the boundaries between them, and the boundaries of the administrative entities which encompassed them in the 18th century. At this time, residents of villages located 15–30 km north of the Kuznetsk fortress were moving to new unoccupied lands in the upper reaches of the river Inia and its upper tributaries, as well as to the left bank of Tom below the mouth of the Mungat River. According to the drawings of S.U. Remezov, there was a boundary between the Tomsk and Kuznetsk districts. The borderline rivers could be Unga-Promyshlennaya in the north and Osipovo-Mungat in the south. Possibly, there were small settlements of Tulbers. After the middle of the 19th century, another process of settlement of the Tom riverbank territories of its both sides began. By the 1930s, all its banks were inhabited, and the reserve of free lands came to end. Indigenous people began developing islands on the

river or starting settlements within 15–20 km from the village. In the second third of the 20th century, new villages were developing in the remote territories away from Tom. Almost all of them were abandoned in the second half of the 20th century. The available information suggests that there were borderlands between the villages within single districts. Most often these were represented by watercourses — small rivers and streams, ridges — elongated hills located perpendicular to terraces, and sometimes lakes. These borders were well known to locals. It cannot be ruled out that river rapids and shoals could also have been used as borders. The analysis of the correlation of locations of the villages, river rifts and stretches suggests that, in the studied area of Tom, villages were located on the river stretches between the shoals. There is also information about the existence of boundaries between minor objects, though they require further research.

Keywords: Kuznetsk district, land use, land boundaries, Cheldon villages.

Funding. The article was prepared as part of the State Assignment FWZG-2022-0005 “Research of archaeological and ethnographic sites in Siberia in the era of the Russian state”.

REFERENCES

- Berezhnova, M.L., Korusenko, S.N., Matveyev, A.V., Tataurov, S.F., Tataurova, L.V., Tikhomirov, K.N., Tikhonov, S.S., Tomilov, N.A. (2014). *Ethnographic and archaeological complexes of the peoples of the Tara Irtys region: Natural environment, ethnic groups, sources*. Omsk: Izdatel'skiy dom «Nauka». (Rus.).
- Chernetsov V.N. (1973). Ethnocultural areas in the forest and subarctic zones of Eurasia during the Neolithic era: (Report read at the SPE session in March 1970). In: *Problemy arkheologii Urala i Sibiri*. Moscow: Nauka, 10–17. (Rus.).
- Chubko, L.Ja. (Ed.) (2004). *We live by Krapivinsk destiny. Essays on the history of the Krapivinsky district*. Novosibirsk: TSERIS. (Rus.).
- Krashennnikov, S.P. (1966). *S.P. Krashennnikov in Siberia. Unpublished materials*. Moscow; Leningrad: Nauka. (Rus.).
- Remezov, S.U. (2003). *Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son Semyon Remezov in 1701. Vol. 1. Facsimile edition*. Moscow (Rus.).
- Remezov, S.U. (2011). *Chorographic drawing book of Siberia S.U. Remezova. Vol. 1. Facsimile edition of Houghton library of the Harvard college Harvard university*. Tobol'sk. (Rus.).
- Sinyayev, V.S. (1956). On the issue of the southern border of the Tomsk district in the 17th century. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya. T. 5*. Tomsk, 79–88. (Rus.).
- Sinyayev, V.S. (1963). The border between the Chulym people and the Chulym Selkups in the 16th–17th centuries. In: *Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*, 6(2), 45–53. (Rus.).
- Slovtsov, P.A. (1886). *Historical review of Siberia*. St-Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova. (Rus.).
- Tomilov, N.A. (Ed.) (2021). *Patrol book of the Tara district of 1701. Vol. 1*. Omsk : Izdatel'skiy dom «Nauka». (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2007). “Anatomy” of the ethnographic-archaeological complex. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Odessa; Omsk: Izdatel'skiy dom «Nauka», 48–52. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2011). On the possibility of studying ethnographic-archaeological complexes of Russians in the middle reaches of the Tom. In: *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Yevrazii*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 409–413. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2013a). Maps of S.U. Remezov in archaeological and ethnographic research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 23(3), 52–56. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2013b). Maps of S.U. Remezov in archaeological and ethnographic research. *Vestnik Omskogo universiteta*, 67(1), 58–61. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2013c). Ethnographic-archaeological complexes of the Russians of the Tomsk region and the possibilities of their study (based on materials from the middle reaches of the Tom River in the Kemerovo region). *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 97(3), 133–136. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2018). Cartographic materials of the turn of the 17th–18th centuries and identification of the boundaries of ethnic groups. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Pavlodar; Omsk: Izdatel'skiy dom «Nauka», 198–202. (Rus.).
- Tikhonov, S.S. (2022). Migrations in a single-cultural environment in XVII–XIX centuries (on the examples of the Middle Irtys region and the Middle Tom region). *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik*, 22(2), 316–321. <https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.012> (Rus.).

Тихонов С.С., <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>

Сведения об авторе: Тихонов Сергей Семенович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН, Омск.

About the author: Tikhonov Sergey S., Candidate of Historical Science, Senior Researcher, Omsk laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 28.02.2024

Article is published: 15.06.2024